

утверждением о наличии более глубоких слоёв реальности, чем те которых достигает наука (например, – «душа», «идея», «свобода», «бытие», «различие», «складка» и т.п.). Они также отрицают классическое понимание истины в качестве соответствия наших утверждений действительности. Находя его обыденным, ограниченным и недостаточно глобальным, философы данного типа дискурсивности строят собственные теории Истины. Имя данного вида философского дискурса – **метафизика**.

Та или иная онтология (в нашей терминологии – метафизика) складывается в результате гипостазирования метаязыка, благодаря которому абстрактный метаязыковой дискурс приобретает фигуративность, идеологизируется глубинными коннотациями, а его интенционалы начинают пониматься в качестве экстенционалов, образуя «мир иной», мир «истинный», «объективную реальность» философов. Гипостазирование превращает коннотации культуры в метафизические объекты, принадлежащие философскому «Миру иному». Метафизика строится как коннотация метаязыка, позволяющая его гипостазировать и положить в основание языка-объекта в виде особых онтологических сущностей (обычно связанных с категорией бытия). Метафизика не предмет эмпирического познания, она выходит за рамки познания и знания в область веры («предрассудков»), или же предполагает особый путь познания и особую «логику». Онтологические допущения о природе «реальности», составляющие суть всякой метафизики, создают концептуальный каркас для (по)знания, но сами (по)знанием не являются.

4. «Аксиология». Четвёртой моделью – **коннотация коннотации** – будет философия, отличающаяся от критики сознательным полаганием глубинных смыслов, в свете которых оцениваются все явления культуры. в отличие же от метафизики, данные смыслы могут и не гипостазироваться в качестве реальных, имеющих существование предметов, но полагаться в качестве чисто идеальных ценностей, обладающих лишь значимостью. Опираясь на последние происходит (пере)оценка художественных, идеологических и иных символов культуры. Имя данного вида философского дискурса – **аксиология**. Аксиологический дискурс будет нами пониматься не столько как аксиология в традиционном смысле, включающая описание и классификацию ценностей, сколько как **переоценка** ценностей. Аналогично тому, как один из важнейших аспектов аналитического дискурса является философии науки, аксиологический предстаёт перед нами в качестве философии идеологических ценностей. Очевидно, что аксиология, в традиционном значении данного термина, состоит не только из «аксиологического дискурса» в нашем понимании, а включает в себя дискурсивные элементы и аналитического, и критического, и метафизического типов. То, что мы описываем в качестве метасимвола «аксиологии» является лишь идеализацией, моделью наиболее существенных, с нашей точки зрения, семиотических характеристик соответствующего философского раздела.

В качестве примера можно обратиться к знаменитой философской **иронии**, которая невозможна без действия механизмов коннотации. ирония также необходимо предполагает наличие специальных знаков, данные механизмы запускающих. Кроме того, ирония – в высшей степени спекулятивна, ибо действует через коннотацию значения, которое противоположно прямому смыслу слов, которое утверждает себя как его иное. Знаки иронии преобразуют «да» в «нет», а «нет» в «да». Ирония, как педагогический обман, оставляет подвергаемого иронии субъекта в неведении о подлинном, глубинном смысле слов ироника. Жертва иронии не видит третьего знакового уровня (коннотации коннотации), который отрицает первичную оценку (коннотацию), не видит изменение оценки на противоположную. Знаки иронии являются метасимволами, достаточно сложными для обыденного разума. Двойная коннотация иронии действует по схеме двойного отрицания гегелевской диалектики.

Таким образом, всякое философское учение, независимо от его самоопределения, можно классифицировать в качестве: либо аналитики, либо критики, либо метафизики, либо аксиологии. Пятого не дано. Следует лишь помнить, что в реальном философском дискурсе указанные типы могут совмещаться, особенно легко совмещаются те типы, которые одинаковы по своему верхнему (третьему) знаковому уровню.

Ольшанский Д.П.

Уральский государственный университет (Екатеринбург)

СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА: ЗАДАЧИ ФИЛОСОФСКОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Язык не представляет собой произвольную систему; он размещается внутри мира и одновременно образует его часть

Мишель Фуко

Сегодня, в условиях, когда процесс формирования информационного общества уже может считаться завершённым, когда общество находится на пути к созданию так называемого «открытого общества», особое значение и место начинает приобретать не столько сама информация, относящаяся к какой-либо

отрасли человеческого знания или опыта, но гораздо большее значение сегодня приобретает умение сохранять и передавать эту информацию. установить диалог двух языковых систем, обеспечивая тем самым стабильный контакт различных знаний, культур и национальных традиций. «На пороге XXI века, когда мировая культура претерпевает существенные изменения и уже сегодня переживает один из базовых этапов на пути формирования общемировой мультикультуры, всеобщего, единого для всего человечества культурного пространства, не дифференцируемого относительно каких-либо языковых и национальных ориентиров».¹ Особое значение в наши дни приобретает знание, связанное с опытом общения, умением установить диалог национального и общемирового, понять связь уникального с универсальным, что, в конечном итоге, должно привести человечество к созданию совершенно отличной от наших современных представлений модели новой общемировой культуры, которая и будет определять жизнь и отношения последующих поколений.

Особое место в подобного рода культурном диалоге занимает язык. Будучи не просто средством общения, но, прежде всего, культурным явлением самоопределения нации, является базой для становления, формирования и дальнейшего развития национальной культуры. Ясно, что на пути объединения и универсализации национального в общемировое, язык, также как и вся остальная культура, должен будет претерпеть соответствующие изменения. Однако, не следует думать, что на пути этой всеобщей универсализации будут забыты уникальные национальные особенности культуры. Нет, они, как никогда прежде, станут заметны и приобретут новый характер и роль в жизни общества, ведь именно диалог культур должна стать основополагающим фактором жизни человека в «открытом обществе». И именно в диалоге, по мнению М.М. Бахтина, и возможно как существование культур, так и дальнейшее их развитие, открывающие новые грани и перспективы совершенствования творческой личности. «Только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается и «человек в человеке», как для других, так и для самого себя».²

Однако, следует понимать диалог не в одностороннем смысле общения, обмена информацией между двумя индивидами, но в смысле платоновского диалога-познания, как возможность создавать новое.

Диалог подразумевает наличие исходных установок у обоих диалогизирующих субъектов, тех установок, которые и дают им возможность вступать в этот диалог. Пустое множество информации не может вступать в информационный обмен-общение.

Второй необходимой для продуктивного диалога особенностью является умение диалогизирующих субъектов воспринимать информацию в том виде в каком она была транслирована и оценивать её относительно собственных исходных ориентиров. Чтоб диалог имел какой-то смысл, получаемая информация должна оцениваться и «перерабатываться» диалогизирующим субъектом, который в свою очередь может изменять свои исходные установки в связи с вновь поступившей информацией.

«Третьей необходимой составляющей, благодаря которой мы можем говорить о диалоге, является способность реагировать на поступившую информацию, в форме сформулированных ответов (непосредственное высказывание ответа не играет решающей роли). Важно не только умение воспринимать информацию, но и, соотнеся её с собственными принципами, создавать новую контринформацию».³

Феномен языка противоречив. «Язык также древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоящей необходимости общения с другими людьми»⁴ - пишет К. Маркс. Таким образом, язык понимается как явление социальное, о чём говорилось выше, как способ самоопределения нации, культуры, как способ самодетерминации человека, если выражаться словами В.С. Библера.

Таким образом, язык социален и персонален одновременно, осуществляет это «включение» человека в сферу национальной культуры. Вместе с тем, существование человека в национальной культуре неразрывно связано с конкретной языковой системой, как механизмом сохранения и трансляции культурных символов, так и языковой системой, как средством и целью культурного диалога. «Он [язык- Д. О.] - с одной стороны социальный продукт речевой способности, с другой стороны - совокупность необходимых условий, усвоенных общественным коллективом для осуществления этой способности у отдельных лиц»⁵. Таким образом, язык есть способ интеграции человека в общество, играет объединяющую и универсализующую роль, с другой стороны, язык служит реализации индивидуальных творческих устремлений и. в этом смысле является феноменом личностным. Но этот феномен не может быть понят в отрыве от социального феномена языка. «У языковой деятельности есть и индивидуальная и социальная сторона, причём нельзя понять одну без другой»⁶.

Язык, как средство культурного диалога, который разворачивается на уровне личностном, так как именно в персональной творческой активности воспроизводятся культурные символы, но язык также есть способ познания чужой национальной культуры, как и способ сохранения своей собственной. В открытом обществе особым спросом будут пользоваться не столько научные знания и не столько умение наладить диалог двух языковых пространств, но, прежде всего, - знания, рассматривающие язык как предмет национального и универсального культурного назначения. Важно не столько чистое знание и не

столько умение общаться, сколько умение понимать культуру других наций через философию языка, через общение, для плодотворного диалога национальных культур, национальных философий, но не просто отдельных видов знания⁷.

Другом феноменом языка является его способность к эволюции. «В каждый данный момент языковая деятельность предполагает и установившуюся систему и эволюцию [выделено нами]; в любую данную минуту язык - есть и живая деятельность и продукт прошлого»⁸. Таким образом, язык осуществляет связь культуры прошлого и будущего, в этом случае, языковые символы являются предметами культурного диалога. В то же время, язык есть постоянно развивающаяся система, именно в силу того, что эти культурные символы воспроизводятся в творческой деятельности индивида.

Подробнее остановимся на культурной функции символа. Культура обеспечивает историческую связь поколений, что является залогом существования национальности культуры. «Культура есть форма одновременного бытия и общения людей различных - прошлых, настоящих и будущих – культур»⁹. Подобную функцию сохранения культуры играет символ. «Как идеальная конструкция вещи символ в скрытой форме содержит в себе все возможные проявления вещи и создаёт перспективу для её бесконечного развёртывания в мысли, перехода от обобщённо - смысловой характеристики предмета к его отдельным конкретным единичностям»¹⁰. Деятельность человека разворачивает эту смысловую форму и «оживляет» её в процессе творчества, воплощает в материале и обогащает символ новыми смыслами. Таким образом, символ способен существовать вне человека, то есть сохранять культурные ценности в «свёрнутом виде», но символ несёт лишь функцию трансляции культуры, но сам не является культурой, так как последняя связана с живым творчеством человека, в частности в языковой деятельности. Символ - это «анабиоз» культуры, если можно так выразиться. Культура становится мёртвой, если забывается национальный язык, если человек не может расшифровать смысл символов, запечатленный в знаках. Если человек не может проживать и тем самым оживлять традицию. Такая культура утрачивает живое, человеческое начало, превращаясь в культуру знаковую.

Знак, в отличие от символа имеет лишь однозначную, прямую трактовку. Смысл, который несёт знак, односторонен и не может быть усовершенствован или дополнен в деятельности человека. Если же знак приобретает способность транслировать информацию в свёрнутом виде, он превращается в символ.

Именно проблемой символа как явления национальной культуры и занимается социолингвистика. Ориентируясь не на исследование языка, как завершённой системы, не препарирруя язык, но задавая проблему диалога, то есть рассуждая о способах сохранения и воспроизводства культуры, социолингвистика ставит проблему языка как культурного явления. «Язык только указывает на внутреннюю жизнь предмета, не представляя её»¹¹ - пишет Х. Ортега-и-Гассет. Это высказывание, на мой взгляд, ставит основную проблему философскую науки социолингвистики. Именно проблема диалога, в котором только и воспроизводится культура, в котором раскрываются и оживают символы этой культуры, а, следовательно, и проблема языка, как практики воспроизведения и разворачивания символов, поставленная как проблема культуры, и вместе с тем как проблема творческой личности и может быть определена как научная проблема социолингвистики.

В книге «Структурная антропология» К. Леви-Стросс выделяет два условных подхода к пониманию культуры¹². В рамках первого, культура понимается как некое устойчивое количество символов: язык, традиции, обычаи, - воспроизводимых нацией (когда речь идёт о национальной культуре). Принадлежность человека к той или иной культуре определяется его отношением к этим символам. Культуре можно научить, по мнению К. Клакхома¹³. Главным атрибутом принадлежности человека к нации, а, следовательно, определённому культурному наследию, является язык. По выражению В. фон Гумбольдта, каждый язык обладает определённым национальным духом, который и определяет принадлежность человека к национальной культуре¹⁴.

Противоречие, которое мне видится наиболее значимым здесь состоит в том, что весьма трудно (скорее, невозможно) определить границы национальной культуры. Культура является постоянным диалогом культур и в этом смысле не может быть понята как некое статичное состояние ряда символов.¹⁵ Нельзя, скажем, строго определить, где заканчивается русская культура и начинается английская.

В рамках второго подхода к пониманию культуры, о котором говорит К. Леви-Стросс, является рассмотрения данного феномена как непосредственной деятельности человека. Культура воспроизводится в творчестве человека, культура оживает в акте творчества, в сам момент реализации замысла в материале. Конечный же продукт творчества, отчуждённый, как и любой продукт деятельности (по Марксу), от творца, а значит лишённый связи с живой творческой силой человека, превращается в знак, мёртвое, искусственное изображение.

Философская социолингвистика, в отличие от культурологии, тяготеет ко второй трактовке понятия культуры. Однако, более важной и пока нерешённой остаётся проблема дуалистического понимания лингвистики, а следовательно и трактовки понятий о языке. Дуалистичность восприятия данной проблемы заключается в том, что язык, как универсальная знаковая система общения между индивидами сообщества и как уникальное явление культуры, рассматривается с двух позиций: филологической и фило-

софской. Филологические науки рассматривают данную проблематику языка в контексте литературно-смысловой значимости, что не может быть отражать всё существующую многогранность смыслов фундаментальной языковой проблемы.

Философия же, напротив, обращается к проблеме языка, тесно связывая его с проблемой мышления и обращается к гносеологическому аспекту проблемы. Язык понимается не только как средство общения индивидов, взаимопонимания и диалога культур, не только как аспект самоопределения нации и культуры, не только как способ самодетерминации индивида через обретение коллективного события, но язык как метод познания через знаковую систему уникальных особенностей социокультурного поля. Язык как система уже сам по себе является носителем определённой культурной информации, того, что Вильгельм фон Гумбольдт называет «дух нации», и само обращение к языковым символам уже есть приобщение к этому духу, независимо от того, какую смысловую нагрузку несёт текст. Раскрывается же этот «дух нации» лишь в живой деятельности конкретного человека-носителя, в его «говорении». В этом смысле диалог можно понимать как метод познания и приобщения к национальной культуре, также как способ сохранения и воспроизводства этого «духа нации», собственно, иного способа видения мира, иного мироощущения, которое не схватывается и не запечатлется в символах.

Наука филология, кроме того, что рассматривает проблему языка в отрыве от проблемы мышления, ещё исследует смысл языковых символов, но не сам механизм разворачивания этих символов. Таким образом язык препарируя. Иной язык - это иная картина мира, иное мышление. Филологическая наука, обращаясь к проблеме иностранного языка, игнорирует проблему «иностранного мышления». Изучение языка есть мышление на языке, что достигается путём диалога. Продолжая Гумбольдта, следует сказать, что не только «дух нации», но также психология конкретного человека-говорителя запечатлется в языке. В этом смысле проблема языка не может ставиться в отрыве от проблемы индивидуального сознания. Язык - как способ самовыражения, способ воплощения сознания человека.

Таким образом, можно заметить, что филологический аспект рассмотрения языка не может считаться полным. Социолингвистика как философская наука, рассматривающая социо-культурные связи между индивидами в контексте их общественных отношений, и изучающая язык как средство этих связей, задавая проблему диалога культур не только в социально-культурном, но творческо-индивидуальном плане, следовательно, является не просто прикладной дисциплиной для теории познания и не столько ветвью онтологической науки, сколько теоретико-культурной и самостоятельной философской дисциплиной.

Только философская социолингвистика способна разрешить проблему диалога сознаний, диалога национальных мышлений. Ориентируясь не просто на знаковые структуры и культурные символы, но прежде всего на механизмы осуществления культурно-языковой деятельности, на проблемы мышления, давая средства для продуктивного диалога мировых культур, социолингвистика должна приобрести ведущее значение в современном языкознании.

¹ Ольшанский Д.А. Социолингвистика как культурное явление нового тысячелетия. Методическое пособие. Екатеринбург: УрГУ. 1999. С. 4.

² Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 294.

³ Ольшанский Д.А. Уровни диалогического взаимодействия: диалог культур // Культура общения и ее формирование. Воронеж, 2000. С. 16.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т.3. с. 29.

⁵ Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1998. С. 15.

⁶ Там же. С. 14.

⁷ Ольшанский Д.А. Социолингвистика как культурное явление: научные проблемы // Семантика мови і тексту. Збірник статей VI міжнародної конференції 26-28 вересня 2000. Івано-Франківськ (Україна), 2000. С. 429-433.

⁸ Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1998. С. 14.

⁹ Баблер В.С. От наукоучения к логике культуры. М., 1991. С. 288.

¹⁰ Лосев А.Ф. Символ // Философская энциклопедия. Т.5. М., 1997. С. 10.

¹¹ Ортега-и-Гассет Х. Эссе на эстетические темы в форме предисловия // Дегуманизация искусства. М., 1991. С. 489.

¹² Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1986.

¹³ Kluckhohn C. Culture and behavior. New York: Free Press. 1962.

¹⁴ См.: Humboldt W. von. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Berlin, 1876. Bd. 1-2.

¹⁵ Ольшанский Д.А. Диалог культур в пространстве открытого общества // Актуальные проблемы культурологии. Екатеринбург, 2000.